

Н. А. КАЗАКОВА

РАННИЕ РУССКО-НИДЕРЛАНДСКИЕ ТОРГОВЫЕ КОНТАКТЫ

Исследователи русско-нидерландских торговых сношений начало их относят к 60-м годам XVI в. А. В. Кордт приводит материал, свидетельствующий о том, что нидерландцы были участниками нарвского плавания. Появление же нидерландских купцов на русской территории он приурочивает к 1564 г., когда к мурманскому берегу пристал первый голландский корабль и прибывший на нем коммерсант Виптеркониинг завел торговлю с Печенгским монастырем. С прибытия Виптеркониинга начинается свое исследование русско-голландской торговли и И. И. Любименко.¹

В работах по истории Ганзы встречаются упоминания о более ранних русско-нидерландских торговых контактах — торговле голландцев в Новгороде в 20—30-х годах XV в.,² но специальное рассмотрение вопроса в них отсутствует.

С конца XII и до XVI в. торговля России с Западной Европой находилась в руках Ганзейского союза. Ганзейцы доставляли в Россию из западноевропейских стран сукна, соль, сельдь, мед, металлы и металлические изделия и вывозили из России главным образом меха и воск, пользовавшиеся большим спросом на европейских рынках. Центром русско-ганзейской торговли являлся немецкий двор (двор св. Петра) в Новгороде. Стремясь сохранить в своих руках монополию на посредническую торговлю между

¹ А. В. Кордт. Очерк сношений Московского государства с республикою Соединенных Нидерландов по 1631 г. Сб. РИО, т. 116, СПб., 1902, стр. XIV—XXII; И. И. Любименко. Торговля России с Англией и Голландией в 1553—1649 г. Изв. АН СССР, VII серия, № 10, 1933, стр. 731.

² L. Goetz. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922, S. 426—428; F. Vollbehr. Die Holländer und die deutsche Hanse Plingsblätter des hansischen Geschichtsvereins, Blatt XXI, 1930, S. 28—29; А. Л. Хорошкевич. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963, стр. 333.

русскими землями и Западной Европой, ганзейцы ревностно следили за тем, чтобы купцы других европейских государств не проникали в Новгород.

Во второй и третьей редакциях скры (устава немецкого двора в Новгороде), относящихся к концу XIII (вторая редакция) и началу XIV в. (третья редакция),³ имеется специальное постановление, запрещающее немецким купцам вступать в компанию с купцами-неганзейцами — фламандцами и англичанами — и привозить их товары в Новгород.⁴ Появление во второй и третьей редакциях скры этого постановления, отсутствующего в древнейшей скре, дает основание думать, что на рубеже XIII—XIV вв. имели место случаи отправки товаров в Россию фламандскими и английскими купцами на комиссионных началах при посредстве ганзейцев. Но случаи проникновения в Новгород самих западноевропейских купцов-неганзейцев, по-видимому, еще отсутствовали.⁵

Первые известия о проникновении в Новгород западноевропейских купцов-неганзейцев относятся к середине XIV в., когда в ганзейской переписке обсуждался вопрос о появлении на немецком дворе ломбардского купца. Факты торговли ломбардцев в Новгороде отмечены и под 1402 и 1419 гг.⁶ Эти факты вызвали тревогу немецкого купечества, и власти немецкого двора ответили на них включением в четвертую и пятую редакции скры правил, запрещающих ганзейцам привозить с собой в Новгород купцов-неганзейцев или их товар. § 72 четвертой редакции скры, датируемой второй половиной XIV в.,⁷ гласит: «Далее, никто, кто хочет пользоваться правами св. Петра, не должен привозить в страну (Новгород, — *И. К.*) чужих гостей, будь то ломбардцы или фламандцы, или какие иные люди, также не должен он их товар в страну привозить под угрозой штрафа в 50 марок и потери прав двора». Это постановление повторяется в §83 пятой редакции скры,⁸ относящейся к самому концу XIV в.⁹

Сведений о появлении в Новгороде фламандских купцов, которые в правилах скры названы наряду с ломбардскими, источники не сохранили. Но по аналогии с фактами торговли в Новгороде

³ W. Schlüter. Die Nowgoroder Schra in ihrer geschichtlichen Entwicklung vom 13. bis zum 17. Jh. Dorpat, 1911, S. 23—31; L. Goetz. Deutsch-russische Handelsgeschichte, S. 60, 75.

⁴ Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII. Jahrhundert. Dorpat, 1914, S. 68—69, § 10.

⁵ Мы имеем в виду западноевропейских купцов, исключая скандинавских, так как последние все время вели торговлю с русскими землями.

⁶ L. Goetz. Deutsch-russische Handelsgeschichte, S. 419, 425.

⁷ W. Schlüter. Die Nowgoroder Schra, S. 35; L. Goetz. Deutsch-russische Handelsgeschichte, S. 77—79.

⁸ Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen, S. 145.

⁹ W. Schlüter. Die Nowgoroder Schra, S. 39; L. Goetz. Deutsch-russische Handelsgeschichte, S. 91—92.

ломбардцев и с запретом этой торговли постановлениями скры мы можем предположить, что поводом для упоминаний в запретах скры фламандцев послужили также случаи торговли их в Новгороде. Таким образом, есть основание полагать, что возникновение первых русско-нидерландских торговых контактов (посивших, конечно, эпизодический характер) следует относить, быть может, ко второй половине XIV в. — времени составления четвертой и пятой редакций скры.

К правилам скры, запрещающим европейским кунцам-неганзейцам торговлю в Новгороде, присоединяются в первой трети XV в. постановления ганзейских съездов и съездов ливонских городов, ограничивающие деятельность неганзейцев в Ливонии. Эти постановления являлись вместе с тем мерами, ограждающими русско-ганзейскую торговлю от проникновения в нее неганзейцев. Такой характер постановлений был обусловлен, с одной стороны, большой ролью, которую Ливония всегда играла в транзите русско-ганзейской торговли, а с другой — происходившим в XV в. благодаря все более частым поездкам русских кунцов в Ливонию перемещением центра русско-ганзейской торговли из Новгорода в ливонские города.¹⁰ Рассматриваемые постановления были направлены, как мы увидим далее, главным образом против голландцев. Это объясняется возрастанием к началу XV в. активности голландских кунцов на Балтийском море, в частности в Ливонии, вследствие чего для ганзейцев возникла реальная угроза конкуренции.¹¹

Впервые система общеганзейских мероприятий, направленных против торговли неганзейцев в Ливонии, нашла свое яркое выражение в постановлениях ганзейского съезда в Ростоке и Любеке в мае—июле 1417 г. Неганзейцам запрещались торговля в городах Ливонии, за исключением приморских городов, и изучение языка в Ливонии.¹²

Если в постановлениях ганзейского съезда в Ростоке и Любеке в мае—июле 1417 г. речь шла об ограничении деятельности в Ливонии неганзейцев вообще, то специально против голландцев были направлены решения ганзейского съезда в Любеке в июле 1423 г. § 23 рецесса съезда от 16 июля 1423 г. гласит: «Далее, города договорились, чтобы избежать вреда, который случается объединенному купечеству Немецкой ганзы, торгующему в Ливонии, от того, что голландцы теперь торгуют в Ливонии больше, чем это исстари было, не разрешать никаким голландцам торго-

¹⁰ Н. А. Казакова. Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в. Истор. записки, т. 47, 1954, стр. 266—267.

¹¹ K. Fritze. Dänemark und die hansisch-holländische Konkurrenz in der Ostsee zu Beginn des 15. Jahrhunderts. Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt Universität Greifswald, 1964, N 1/2.

¹² Рецесс съезда. Hanserecense (далее — HR), Bd. VI. Leipzig, 1889, N 397, § 89—90.

вать в Ливонии; но в качестве шкиперов и членов судовых команд (schipherten unde schipmanswiise) могут они туда приезжать, как это истари было, но не иначе. Также не должно разрешать обучать голландских юношей языку». ¹³ Итак, рецесс съезда, запрещающая голландцам торговлю в ливонских городах, разрешал им в то же время посещение Ливонии в качестве шкиперов и членов судовых команд. В последнем пункте нашли отражение интересы ливонских городов, купечество которых, будучи заинтересовано в недопущении конкуренции голландцев в сфере торговли, отнюдь не желало вместе с тем лишаться возможности использовать голландские суда для перевозки своих товаров. ¹⁴

В постановлении ганзейского съезда 1417 г., запрещающем неганзейцам изучение языка в Ливонии, так же как в постановлении съезда 1423 г. о запрете голландцам изучения языка, не указывается, какой именно язык имелся в виду. Г. Холлин считал, что речь шла о запрещении изучения местного языка (Landes sprache) с тем, чтобы затруднить голландцам общение с коренными жителями. Ф. Фольбер полагал, что в рассматриваемых постановлениях имелся в виду русский язык. ¹⁵ Нам представляется правильным последнее предположение, ибо голландцы были заинтересованы в непосредственных контактах с русскими купцами, поставлявшими товары, пользовавшиеся большим спросом на европейских рынках; коренные же жители Ливонии (эстонцы и латыши) таких товаров поставлять не могли, так как их участие в торговле ограничивалось рамками мелкой торговли, ¹⁶ обслуживавшей повседневные нужды местного населения.

Вопрос о деятельности нидерландцев в Ливонии вновь рассматривался на ганзейском съезде в Брюгге в 1425 г. Отражая интересы руководящей группы городов Ганзейского союза — вендских городов, стремившихся к полному вытеснению нидерландцев с Балтийского моря, съезд постановил, чтобы никого из фламандцев, зееландцев, голландцев не подрывать для перевозки товаров в Ливонию и не допускать погрузки и выгрузки их судов в ливонских портах. ¹⁷

Однако эти жесткие постановления вызывали противодействие ливонских городов, не желавших, как мы уже отмечали, лишаться услуг голландского торгового флота. Съезд ливонских городов в Валке в начале 1426 г. (в противоречии с решением ганзейского

¹³ Рецесс съезда. HR, Bd. VII. Leipzig, 1893, N 609, § 23.

¹⁴ G. Hollihn. Die Stapel- und Gästepolitik Rigas in der Ordenszeit (1201—1562). Hansische Geschichtsblätter, 60. Jahrgangs, 1935, S. 139.

¹⁵ Там же, стр. 138; F. Vollbehr. Die Holländer und die deutsche Hanse, S. 28.

¹⁶ V. Niitemaa. Die undeutsche Frage in der Politik der livländischen Städte im Mittelalters. Annales Academie Scientiarum Fennicae, ser. B., t. 64, Helsinki, 1947—1949, S. 201—204.

¹⁷ Отчет о съезде. HR, Bd. VII, № 800, § 11.

съезда в Брюгге в 1425 г.) принял решение о том, что до следующего ганзейского съезда голландцы могут разгружать и нагружать свои суда в городах Ливонии, т. е. съезд разрешил голландцам посещение ливонских портов в качестве моряков—перевозчиков грузов. Одновременно съезд вынес постановление, запрещающее голландцам посещение внутренних городов Ливонии.¹⁸ Последнее постановление было обусловлено, вероятно, опасением ливонских городов перед проникновением голландцев в Россию. Помимо изложенных постановлений, нашедших отражение в письме съезда ливонских городов в Валке Любеку от 19 января 1426 г., съезд принял, по-видимому, еще одно решение — о запрете голландцами торговли с русскими; думать так дает основание имеющаяся в аналогичном постановлении съезда ливонских городов в Вольмаре в январе 1434 г. ссылка на решение съезда в Валке в 1426 г. («как это было уже раньше постановлено в 26-ом году в Валке»).¹⁹

Перед решительной позицией ливонских городов в вопросе об использовании голландского торгового флота руководство Ганзейским союзом должно было отступить, и ганзейский съезд в Любеке в июне 1426 г. вынес постановление, повторяющее § 23 рецесса съезда в Любеке от 16 июня 1423 г., о запрещении голландцам торговли в Ливонии и изучения [русского] языка и о разрешении в то же время посещать им Ливонию в качестве моряков — перевозчиков грузов.²⁰

Наиболее развернутые постановления, регулирующие пребывание в Ливонии нидерландцев, принял съезд ливонских городов в Вольмаре в 1434 г. Съезд разрешил голландцам, зееландцам и кампенцам посещать ливонские порты в качестве шкиперов и членов судовых команд и, кроме того, вести торговлю в первом портовом городе, куда они прибудут; торговать им в каких-либо других городах запрещалось под угрозой конфискации товаров.²¹ В этом постановлении речь шла, очевидно, о торговле не голландских купцов, а голландских шкиперов и матросов, ограниченной пределами первого портового города, в котором они причалят.²² Ливонские города допускали эту торговлю, будучи заинтересованы в использовании голландского торгового флота. Но допуская ограниченную торговлю голландских моряков, постановления съезда

¹⁸ Письмо съезда ливонских городов в Валке Любеку от 19 января 1426 г. *Liv-Est- und Kurländisches Urkundenbuch* (далее: LUB), Bd 7, Riga, Moskau, 1881, № 412.

¹⁹ Рецесс съезда ливонских городов в Вольмаре от 4 января 1434 г. LUB, Bd. 8, Riga, Moskau, 1884, № 753, § 9; см. также стр. 86.

²⁰ Рецесс ганзейского съезда в Любеке от 24 июня 1426 г. HR, Bd. VIII, Leipzig, 1897, № 59, § 18.

²¹ Рецесс съезда. LUB, Bd. 8, № 753, § 7.

²² Такое толкование дает И. Э. Клейнберг, которому автор приносит глубокую благодарность за помощь в переводе и интерпретации ливонских и ганзейских источников.

полностью исключали возможность торговых контактов между голландцами и русскими. § 9 рецесса съезда гласил: «Далее, ни один голландец, зееландец или кампиенец не должен торговать с русскими под угрозой конфискации товаров; также никто не должен быть маклером при таких сделках под угрозой штрафа в 50 рикских марок в пользу городов, так как это было уже раньше постановлено в 26-м году в Валке».²³

В отношении фламандцев и англичан постановления съезда были еще более суровыми: если голландцам, зееландцам и кампенцам, посещающим Ливонию в качестве шкиперов и членов судовых команд, разрешалась торговля в первом портовом городе (исключая торговлю с русскими), то англичанам и фламандцам, которым посещать Ливонию разрешалось тоже только в качестве шкиперов и членов судовых команд, запрещалась всякая торговля как с русскими, так и с немцами. В § 10 рецесса съезда это правило сформулировано следующим образом: «Далее, ни один фламандец или англичанин не должен приезжать сюда в страну [Ливонию], кроме как в качестве шкипера или члена судовой команды, и никаким способом здесь ни торговать ни с немцами, ни с русскими. А если кто-нибудь из них это будет делать, то этот товар должен задержать город, в котором такая сделка случится на основании постановления городов».²⁴

Чтобы затруднить возможность контактов между русскими, с одной стороны, и голландцами, зееландцами и прочими европейцами — неганзейцами, — с другой, — съезд запрещал последнее изучение [русского] языка. «Также никто не должен обучать голландских, зееландских, кампенских, фламандских и английских юношей языку или же помогать им при поисках такой возможности под угрозой штрафа в 10 марок серебра в пользу городов», — читаем мы в § 8 рецесса съезда.²⁵

Во второй половине 30-х годов острота постановлений, направленных против торговли голландцев в Ливонии, смягчается и голландские купцы получают возможность вести торговлю в ливонских городах. Л. Гетц изменение отношения к голландцам связывает с заключением в 1435 г. мира между вендскими и голландскими городами, которые в войне вендских городов с Данией поддерживали последнюю²⁶ (война велась с 1426 г.). Г. Холлин причины благоприятной для голландцев перемены усматривает (и, на наш взгляд, обоснованно) в первую очередь в явлениях экономического порядка — в невозможности для ливонских городов обойтись без использования голландского торго-

²³ Рецесс съезда ливонских городов в Вольмаре в 1434 г. LUB, Bd. 8, № 753, § 9.

²⁴ Там же, § 10.

²⁵ Там же, § 8.

²⁶ L. G o e t z. Deutsch-russische Handelsgeschichte, S. 428.

вого флота и в зависимости их от подвоза соли голландцами и от голландского рынка сбыта.²⁷

Однако, не будучи в состоянии прекратить торговлю голландцев в Ливонии, ливонские города не сияли запрета на торговлю голландцев с русскими. В ответ на жалобы голландцев на помехи, чинимые в ливонских городах гостевой торговле (торговле иноземных купцов между собой), съезд ливонских городов в Пернау в январе 1437 г. заявил, что подобный запрет в Ливонии никогда не издавался, но торговля между голландцами и русскими действительно запрещена. Существование этого запрещения ливонские города объясняли тем, что голландцы не состоят в крестоцеловании с русскими (не являются участниками договоров с русскими) и что русские поэтому за плохие товары, которые голландцы могут им поставлять, будут взыскивать с ганзейцев, чего ливонские города не хотят. В письме к Любеку, где изложено приведенное рассуждение, съезд ливонских городов в Пернау подчеркнул, что запрет на торговлю голландцев с русскими должен соблюдаться и в дальнейшем.²⁸

Рассмотренные постановления ганзейских съездов и съездов ливонских городов 10—30-х годов XV в., запрещающие торговлю между голландцами и русскими, а также изучение голландцами русского языка и поездки голландцев во внутренние города Ливонии, должны были предотвратить, с одной стороны, торговые контакты голландцев с русскими в Ливонии, а с другой, — поставить преграды проникновению голландцев в русские земли.

Уже повторяемость запретов свидетельствует о том, что полностью они своей цели не достигали: по-видимому, имели место как случаи непосредственной торговли голландцев с русскими в ливонских городах, так и случаи проникновения голландцев в Россию. Последние нашли отражение в источниках.

17 апреля 1426 г. рижский рат обратился к Ревелю с письмом, в котором сообщал о получении письма Дерпта с приложением копии письма Ревеля Дерпту. В письме Ревеля Дерпту сообщалось, что некий голландец, отплывший из Або на Неву, торговал, как говорят, в течение зимы в Новгороде.²⁹ Характерен путь, по которому голландец прибыл в Новгород: голландский купец избрал не наиболее короткий путь через ливонские порты, а дальний, обходной путь, через пиведский порт, так как проезд в Россию через ливонские порты в соответствии с существовавшими постановлениями был для голландцев закрыт. Сообщение Ревеля о торговле голландца в Новгороде чрезвычайно взволно-

²⁷ G. Hollihn. Die Stapel- und Gästepolitik Rigas, S. 141.

²⁸ Речь съезда ливонских городов в Пернау от 9 января и письмо съезда Любеку от 10 января 1437 г. HR. 2-te Abteilung, Bd. II. Leipzig, 1878, № 132, § 4, № 134. — Вопрос об отношении Ганзы и ливонских городов к торговле голландцев в Ливонии в более позднее время мы не рассматриваем, так как это не входит в задачи настоящей работы.

²⁹ Письмо Риги Ревелю от 17 апреля 1426 г. LUB, Bd. 7, № 449.

вало Дерпт и Ригу, и они просили рат Ревеля принять репрессивные меры: конфисковать, если это удастся, товар голландца, а ему рекомендовать обратиться к ганзейскому съезду, который должен собраться в Любеке. Рига высказала также мнение о том, что было бы полезно, если бы до ганзейского съезда ливонские города договорились, какие меры необходимо принять для того, чтобы воспрепятствовать подобным поездкам³⁰ (голландцев в русские земли, — *Н. К.*).

Следующее известие о голландских купцах в Новгороде относится к 1432 г. В этом году в Новгород прибыли два голландца, которые привезли с собою от 24 до 26 ластов сельди³¹ (288—336 бочек³²). Если сравнить это количество с количеством сельди, находившимся на ганзейском судне, затонувшем в устье Наровы в конце XV в. — 78 ластов³³ (эта сельдь могла принадлежать разным купцам), то партию сельди, привезенную голландскими купцами, можно считать значительной. В Новгороде голландцы остановились на дворе у русских. Появление в Новгороде голландцев с сельдью — исконным предметом ганзейского импорта — вызвало тревогу на немецком дворе. Власти двора в письме Ревелю сокрушались о том, что им не удастся конфисковать товар голландцев, и просили Ревель задержать голландцев во время их возвращения.³⁴ Показательна жалоба властей немецкого двора на то, что им не удастся конфисковать у голландцев их товар: очевидно, голландские купцы, остановившиеся на дворе у русских, находились в Новгороде в полной безопасности и спокойно торговали под защитой русских властей.

В источниках запечатлены единичные факты торговли голландских купцов в Новгороде. Очевидно, и сами случаи проникновения голландцев в Новгород были немногочисленны, ибо преодолеть барьер, воздвигнутый ганзейскими и ливонскими городами для сохранения монополии на торговлю с Россией, было нелегко. Но, несмотря на немногочисленность, эти случаи свидетельствуют о стремлении нидерландских купцов завязать непосредственные торговые контакты с русскими землями и о положительном отношении новгородских властей к этому стремлению.

Ранние русско-нидерландские торговые контакты являлись предвестниками грядущего этапа в развитии русско-европейской торговли — установления непосредственных торговых связей между Россией и западноевропейскими странами.

³⁰ Там же.

³¹ Письмо Тидеке Визе Дерпту от 10 августа 1432 г. LUB, Bd. 8, № 614.

³² Ласт сельди содержал 12 бочек. См.: Я. К. Земзариш. Метрология Латвии в период феодальной раздробленности и развитого феодализма (XIII—XVI вв.). В кн.: Проблемы источниковедения, т. IV, М., 1955, стр. 200.

³³ Отчет Томаса Шrove о посольстве в Москву в 1494 г. HR. 3-te Abteiling, Bd. III. Leipzig, 1888, № 483, S. 339.

³⁴ Письма немецкого двора Ревелю от 30 июля 1432 г. и Тидеке Визе Дерпту от 10 августа 1432 г. LUB, Bd. 8, № 609, 614.